русский

пионер

18+

пикник на обочине

№5 (117) ноябрь 2023

литературный иллюстрированный журнал

ISSN 2071-3037

Клятва главного редактора стр. 12

первая четверть

Урок кино. Томительная проповедь. **Лидия Маслова** о том, как сталкер попал в кино стр. 18
Урок географии. Чемодан пустых бутылок. **Виктор Ерофеев** о том, кто кого перепил в Грузии стр. 22
Урок музыки. Пикник на небе. **Андрей Макаревич*** про бесконечную лестницу стр. 26
Урок уроков. На обочине, у деревни Матвейково. **Иосиф Райхельгауз** о том, почему он там остановился стр. 28
Урок правды. Иду к тебе, цветная рыбка. **Дарья Белоусова** про безграничную пресыщенность и безоружную открытость стр. 32
Прогул уроков. Людены вне игры. **Денис Поздняков** о том, как сталкер стал игрой стр. 36

вторая четверть

Пионер-герой. Ютановы. Корреспондент «РП» заглядывает в будущее братьев Стругацких стр. 40

третья четверть

Диктант. Выстуганное. В тему номера стр. 52
Открытый урок. Звезд с неба не хватаем. Корреспондент «РП» про новости космоса стр. 54
Дневник наблюдений. Сомрак заката. Шеф-редактор «РП» на мысе Желаний стр. 66
Дневник наблюдений. Охотники за привидениями, или Апокалипсис в Лос-Анджелесе. **Иван Соколовский** про свои тревожные американские будни стр. 74
Сочинение. Миры АБС. Рассказы российских фантастов по мотивам произведений братьев Стругацких стр. 80

* ПРИЗНАН В РФ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ.

четвертая четверть

Фотоувеличитель. Клятва Стругацких *стр. 126*

группа продленного дня

Сбор металлолома. Аркадий берет в руки рюмку. **Александр Федоров** про жадный глоток накануне охоты *стр. 148*

Пионервожатый. Я выхожу туда, где тени. **Кирсан Илюмжинов** про последний час перед рассветом *стр. 152*

Центровой. Призрак бодеги Гарсии. **Павел Астахов** про серебро в сторожевой будке *стр. 154*

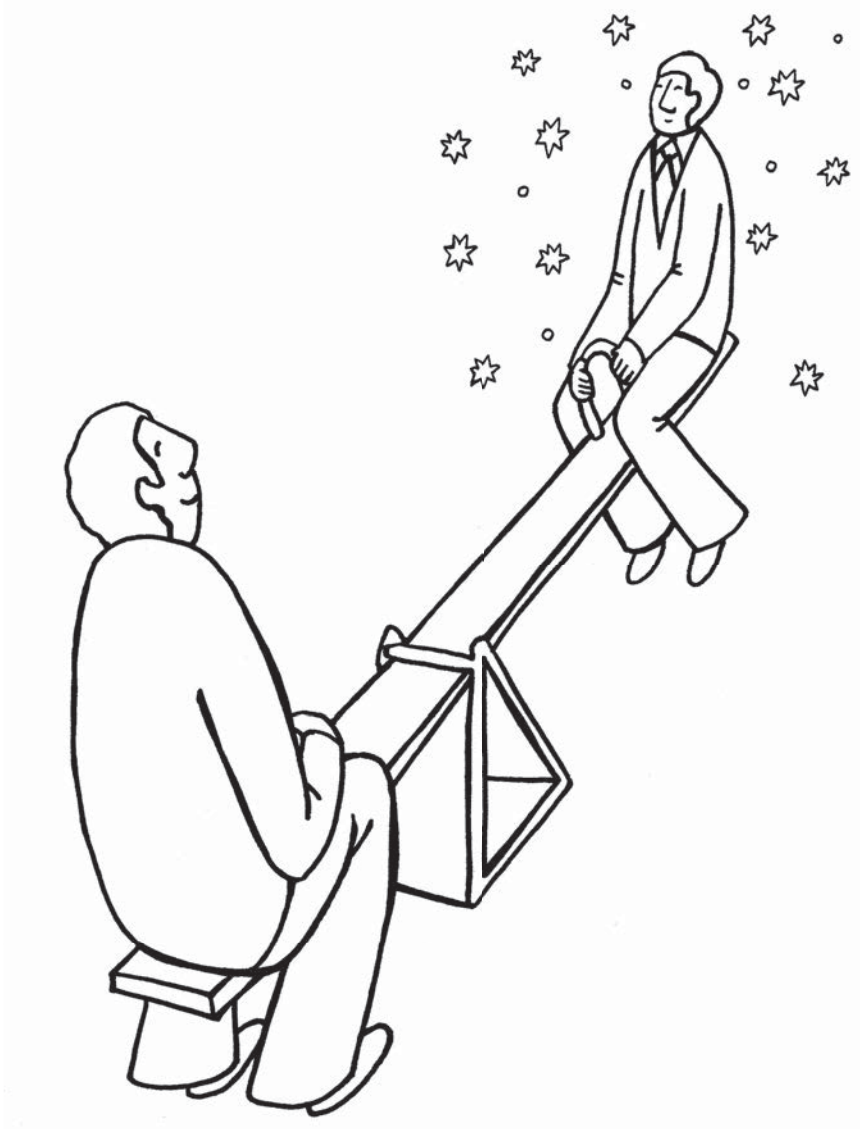
Отличница. Пограничное расстройство. **Лена Фейгин** о том, что нет добра без худа *стр. 166*

Горнист. А не мало ли прихватили водки? **Сергей Микулик** про караевский «Абсолют» на обочине *стр. 168*

Полевая кухня. Пикник с пельменями. **Андрей Макаревич*** про маленький очаг, где спасались ненадолго *стр. 170*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 176*

* *ПРИЗНАН В РФ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ.*

Всегда готов!

рисунок из архива: анна всесвятская

Первая четверть.

Урок кино. Томительная проповедь. **Лидия Маслова** о том, как сталкер попал в кино. *Урок географии.* Чемодан пустых бутылок. **Виктор Ерофеев** о том, кто кого перепил в Грузии. *Урок музыки.* Пикник на небе. **Андрей Макаревич*** про бесконечную лестницу. *Урок уроков.* На обочине, у деревни Матвейково. **Иосиф Райхельгауз** о том, почему он там остановился. *Урок правды.* Иду к тебе, цветная рыбка. **Дарья Белоусова** про безграничную пресыщенность и безоружную открытость. *Прогул уроков.* Людены вне игры. **Денис Поздняков** о том, как сталкер стал игрой.

* *ПРИЗНАН В РФ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ.*

фото из личного архива

Томительная проповедь

текст: лидия маслова рисунки: аксеновы

Киноколумнист Лидия Маслова изучает тему «Пикник на обочине», как всегда, системно и приходит к неожиданным и вместе с тем фундаментальным выводам. Один из них: надо все пересматривать. То, что видел двадцать лет назад, особенно. Потому что все на обочине рано или поздно оказывается не тем, чем кажется. Или, тем более, чем казалось двадцать лет назад.

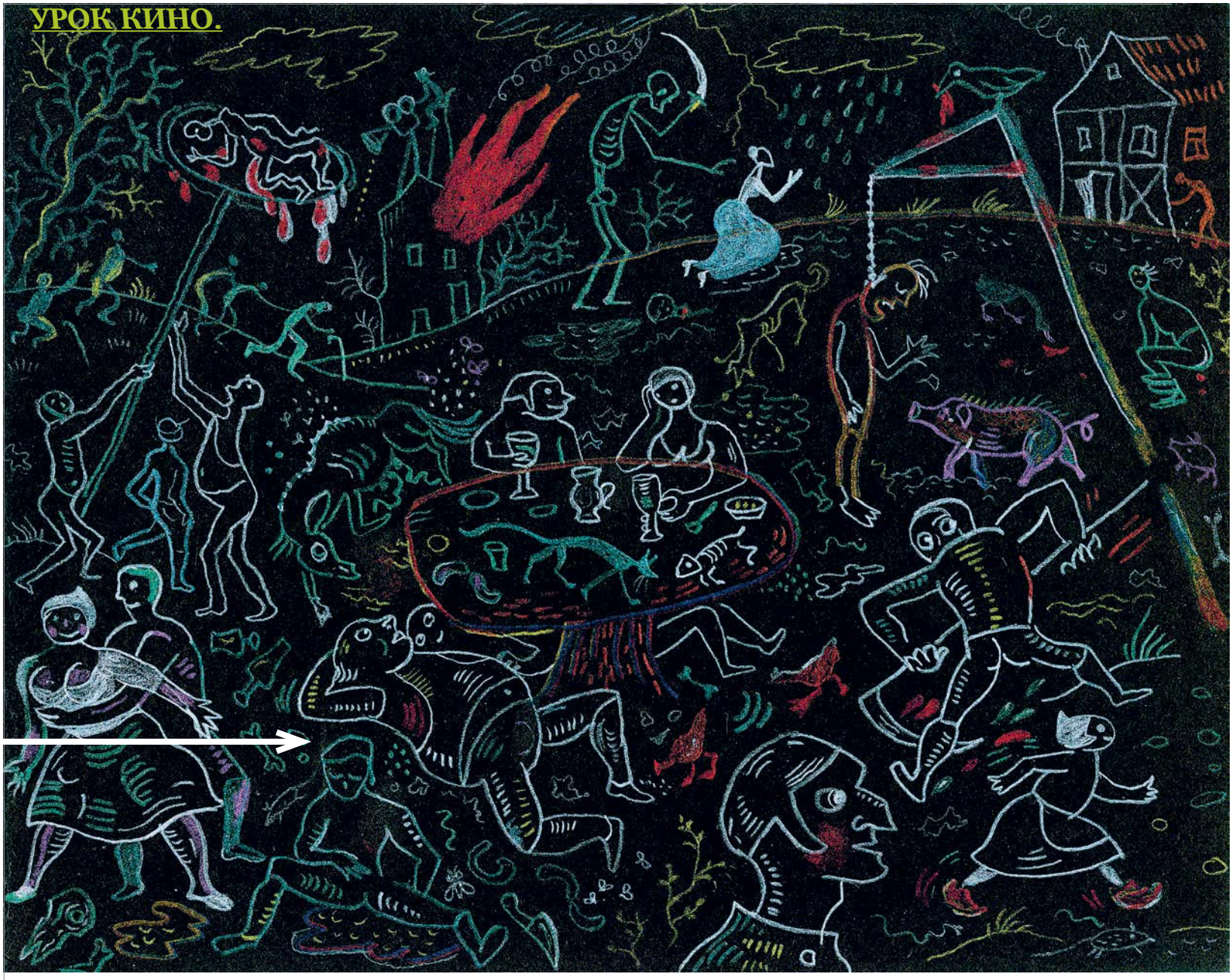
ЕСЛИ попытаться составить рейтинг наиболее искореженных кинематографом писателей, то Аркадий и Борис Стругацкие уверенно претендовали бы на одно из первых мест — конкуренцию им может составить разве что Стивен Кинг, смертельно обидевшийся на Стэнли Кубрика после триллера «Сияние». Но никакому Кингу и в кошмарном сне не приснится, как изощрялись со Стругацкими их соотечественники: рано или поздно любой порядочный отечественный режиссер просто считает своим долгом показать, насколько смело он может отклониться в своей интерпретации творчества Стругацких от первоисточника. Один из эталонов в этом отношении задал Андрей Тарковский, в семьдесят девятом заставивший братьев написать бесконечное множество вариантов сценария по мотивам повести «Пикник на обочине», чтобы в итоге получить из довольно увлекательного и динамичного приключенческого произведения томительную трехчасовую проповедь совершенно на другую тему.

На примере «Сталкера» особенно интересно поразмышлять о трагических и парадоксальных взаимоотношениях литературы и кино. В них первая почти всегда проигрывает, а второе мало что выигрывает, но со Стругацкими парадоксальная ситуация: кинематограф, обычно склонный все упрощать и делать сложные философские конструкции доступными самой широкой публике и самому девственному сознанию, с наследием Стругацких поступает наоборот — он их усложняет практически до неузнаваемости. Режиссеры словно состязаются, кто больше выпендрится и продемонстрирует свой выдающийся интеллект, при этом иногда достигая противоположного результата. Три года спустя после опыта со «Сталкером» в романе «Хромая судьба» лирический герой сформулировал печальную суть происходящего между писателями и кинематографистами: «Ну, напишу я этот

сценарий, ну, примут его, и влезет в мою жизнь молодой, энергичный и непременно глупый режиссер и станет почтительно и в то же время с наглостью поучать меня, что кино имеет свой язык, что в кино главное — образы, а не слова…» Режиссеры разной степени глупости и наглости начали влезать в жизнь Стругацких довольно рано, еще на пике их популярности в шестидесятых: сейчас вызывает ностальгическое умиление неуклюжий черно-белый телеспектакль «Понедельник начинается в субботу», где можно наблюдать забывчивого кукольного кота и смотрительницу музея ИЗНАКУРНОЖ Наину Киевну Горыныч с наклеенным картонным носом.

Все это, конечно, невинные детские шалости по сравнению с амбициозным «Сталкером», наглядно иллюстрирующим, насколько же легче и комфортнее общаться с книгой, чем с кинематографом, насилующим твое восприятие и навязывающим тебе свой ритм — то слишком быстрый, то, наоборот, слишком медленный, печальный и нудный. Ты уже давно все понял (особенно если читал первоисточник), а киногерой все что-то мямлит и разжевывает для тугодумов или вообще несет отсебятину, имеющую мало отношения к лежащей в основе сценария книге, — как герой Александра Кайдановского в «Сталкере». Для многих авторитетных кинематографистов, в том числе и Тарковского позднего периода, характерно непонимание (или упорное нежелание понимать), что увлекательная история говорит сама за себя и не каждая басня выигрывает от разжеванной в финале морали. И тем более печально, когда и басни-то как таковой нет, а все три часа от начала и до конца тебе читают какую-то хитровыдуманную мораль, сложносочиненную проповедь из философских абстракций, забыв перед этим рассказать случай из жизни, который должен привлечь твое внимание, заинтересовав судьбой героев и вызвав к ним какие-то эмоции. Стругацкие-рассказчики сначала захватывают внимание зрителя опасными и рискованными приключениями сталкера Рэда Шухарта, предоставляя читателю делать выводы самостоятельно, а Тарковский сразу взбирается на кафедру, точнее даже на амвон, и начинает устами своих героев — Писателя, Профессора и Сталкера — бесконечный внутренний диалог с самим

собой, в котором зритель периодически чувствует себя лишним, вслушиваясь в томительные диалоги такого примерно плана: «Я писатель, и меня, естественно, все почему-то зовут Писатель. — И о чем же вы пишете? — О читателях, очевидно. Ни о чем другом и писать не стоит».

Особенно удручает все это преданного фаната Стругацких, от которых в фильме мало что осталось, хотя в некоторых репликах желчного Писателя, адресованных блаженному и юродствующему Сталкеру, можно при желании усмотреть зашифрованное отношение авторов многострадального сценария к режиссеру, упивающемуся своей властью над переработанной книгой: «Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и бог, ты, лицемерная гнида, решаешь, кому жить, а кому умереть…» В общем-то, с повестью «Пикник на обочине» Тарковский обошелся так же безжалостно, радикально переиначив ее смысл, как с романом «Солярис» Станислава Лема, откровенно обругавшего режиссера дураком, чего интеллигентные Стругацкие себе не позволили, видимо, понимая, что с режиссерами в принципе бесполезно ругаться и спорить — это особая порода людей, неспособных к диалогу и поиску взаимопонимания: в сущности, режиссеры не ведут разговор ни с книгой, ни со зрителем, а только с голосами в своей голове. В семьдесят девятом году, когда вышел «Сталкер», еще не было слова «инфоцыган», но то, чем занимается в этом фильме Тарковский, можно назвать киноцыганством — это талантливое, виртуозное гипнотическое забалтывание зрителя, по окончании просмотра в изумлении хлопающего себя по душевным карманам и совершенно не понимающего: как это он добровольно отдал два часа пятьдесят минут своей единственной жизни, приобретя взамен непонятно что?

Впоследствии в интервью тактичные Стругацкие так деликатно сформулировали смысловой зазор между их сочинением и полотном Тарковского: «Повесть — о том, что мы не знаем, ради чего существуем. А кино — о том, что жизнь без святого в душе и не жизнь вовсе».

Но если открыть «Пикник на обочине» после просмотра фильма, то объясняющий название метафорический пассаж приобретает дополнительный смысл, двойное дно — если присмотреться, это опи-

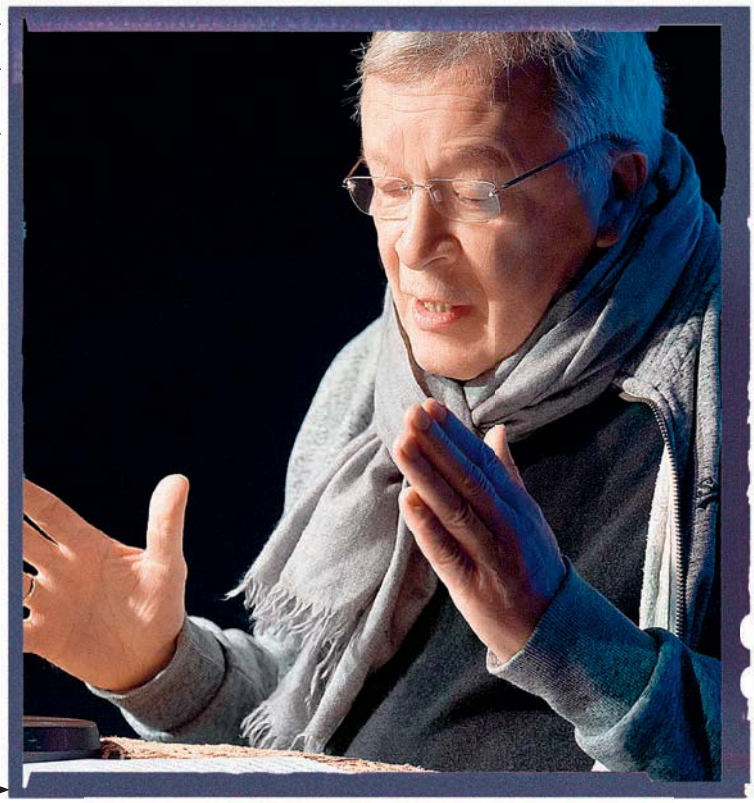
сание не только вторжения внеземной цивилизации в человеческую жизнь, но и грубого, бесцеремонного вторжения кинематографа в литературную первооснову, которую он использует и замусоривает: «Представьте себе: лес, проселок, лужайка. С проселка на лужайку съезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, транзисторы, фото- и киноаппараты… Разжигается костер, ставятся палатки, включается музыка. А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали происходящее, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком-то неведомом болоте… ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обертки, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полян…» Очень похожим образом кинематограф на протяжении всей своей истории пирует на обочине литературы, и, связываясь с экранизациями, писатель никогда не может предугадать, какие «ягодки» и «цветочки» со своих мыслительных полян пересадит в его книгу режиссер и с каких неведомых болот грязь налипнет на то или иное литературное произведение.

Слово «грязь» можно понимать в самом буквальном смысле в случае с еще одной грандиозной экранизацией Стругацких, предпринятой выдающимся режиссером, — «Трудно быть богом» Алексея Германа, который не столько читает одноименную книгу, сколько упивается собственной визуальной культурой, демонстрируя длинную галерею тщательно, любовно подобранных босховско-брейгелевских отталкивающих образин и жутких харь, на протяжении трех часов обмазывающих друг друга разными физиологическими жидкостями и грязеобразными субстанциями. В принципе, ты понимаешь режиссерский замысел — добиться натурального эффекта присутствия на жуткой планете, застрявшей в средневековье. «Трудно быть богом» — это тоже своего рода «Пикник на обочине», только наоборот: теперь не инопланетяне прилетают к нам с визитом, а люди, достигшие более высокого уровня развития (ученые-историки), прибывают на отсталую планету со своего рода ознакомительной экскурсией, которая оборачивается непредвиденными трагическими последствиями. Подобно Андрею Тарковскому, установившему на планете Солярис трогательный родительский домик героя (что привело в бешенство Станислава Лема, ничего похожего не имевшего в виду), Алексей Герман делает эмоциональной доминантой своего фильма тоску по детству, малой родине и бабушке, которая является герою в снах. При просмотре германовского «Трудно быть богом», напоминающего скорее какой-то иммерсивный перформанс, чем кино в традиционном, олдскульном понимании, трудно приходится всем. Сострадание вызывают не только персонажи картины и брезгливый дон Румата, в каждом кадре достающий откуда-то, как фокусник, очередной белоснежный платок, чтобы немного утереться посреди царящей вокруг антисанитарии, — не менее жалко и доверчивых юных зрителей, купивших билет на эту картину, в рекламных целях охарактеризованную остроумным руководством одного московского кинотеатра как «фантастика с Ярмольником». Впрочем, и правда трудно отказать в фантастической смелости и безжалостности к себе и зрителю Алексею Герману, гордившемуся, что у него в кадре редко бывает меньше восемнадцати человек одновременно, хотя в таком густонаселенном и насыщенном артефактами пространстве обычной человеческой способности к восприятию бывает недостаточно, чтобы уловить на многоканальной звуковой дорожке знакомые реплики из любимой с детства книги.

Но, к счастью, в случае с романом «Трудно быть богом» у читателя-зрителя есть альтернатива — до Германа его успел экранизировать в восемьдесят девятом немецкий режиссер Питер Фляйшман, и современную молодежную аудиторию сегодня эта версия может порадовать визуальным сходством с песчаным фантастическим блокбастером «Дюна» и сериалом «Ведьмак» (особенно в том, что касается прически исполнителя главной роли польского артиста Эдварда Жентары). Картина Фляйшмана на особо изощренную высокохудожественность не претендует, но представляет собой вполне здоровое развлекательное зрелище, которое не выглядит насилием и издевательством над первоначальным замыслом Стругацких. Пожалуй, к этому же здоровому сегменту рынка можно отнести телевизионный шлягер «Чародеи» — одно из редких произведений, где упоминание братьев в титрах не вызывает недоумения. Вероятно, потому, что это не экранизация: Стругацкие изначально писали «Чародеев» как коммерческий развлекательный сценарий, ловко использовав кое-какие мотивы книги «Понедельник начинается в субботу» для бодрой музыкальной сказки о великой силе любви и волшебстве в сфере услуг. Не лишен парадоксального очарования и чрезвычайно популярный в семидесятых дизайнерский эстонский фильм «Отель “У погибшего альпиниста”», где нарядные прибалтийские актеры в костюмах от Вячеслава Зайцева изображают заграничную гламурную жизнь в атмосфере хичкоковского детективного триллера, а заодно иллюстрируют кое-какие любимые мысли Стругацких о морально-этических проблемах контактов с инопланетянами.

В общем, чем меньше умничают режиссеры в обращении со Стругацкими, тем приятней и осмысленней получается результат, как бы отражая присущее этим писателям самоироничное отношение к слову «умник» («Умника — в сральник!» — говорит один из персонажей фильма «Трудно быть богом»). Эту иронию сумел уловить и Федор Бондарчук, выбравший для своего приобщения к Стругацким их раннюю, довольно бесхитростную вещь «Обитаемый остров» о прекрасном голубоглазом сверхчеловеке, который прибывает на тоталитарную планету с лаконичной политической программой, сводящейся к одному слову «справедливость», и при всей своей физической безупречности в целом впечатления большого умника не производит. Любопытно, что «Обитаемый остров», аккуратно экранизированный Бондарчуком очень близко к тексту, без лишнего натужного самовыражения, заканчивается в качестве эпилога эпиграфом из романа «Пикник на обочине». Это цитата из американского литератора Роберта Пенна Уоррена: «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать», которую можно переиначить применительно к экранизациям: приходится делать кино из литературы, потому что из других подручных материалов получается еще хуже. *рп*

фото из архива рп

Чемодан пустых бутылок

текст: виктор ерофеев рисунки: аксеновы

Земля, где время измеряется радостью, где сам Бог приглашает в свои храмы, где нимфы плещутся в каждом ручье, — вот куда попал лирический герой писателя Виктора Ерофеева. И это не тот случай, когда надо прятаться за лирического героя. Тут можно принять всю ответственность на себя. Виктор Ерофеев принимает, еще как, до последней капли. Когда такая красота вне автобуса, а тем более внутри него. Когда только у тебя есть заветный чемодан, вокруг которого бурлит жизнь.

СЧАСТЬЕ живет среди тех народов, на землях которых растет виноград, где с незапамятных времен пьют свое вино и мудростью земля питает мозг.

Два виноградных пояса земли, как ласковый женский купальник, прикрывают самые лакомые части планеты.

Снега и пустыни — это испытания, это командировки, а виноградники — дом родной.

Я поднял бокал.

Все это я понял в Грузии. Мы пьем за Грузию, в которой мы находим душевный покой и телесное волнение, переходящее в желание счастья.

Я выпил и огляделся.

Я стоял посреди автобуса. На меня смотрели двадцать пять отборнейших красавиц. В руках у них были бутылки красного и белого грузинского вина. Они пили из горлышка, и капли вина падали на их неприкрытые груди.

Сейчас мы пойдем купаться в эту речку.

В сумерках хорошо купаться.

Но сначала я хочу сделать одно заявление.

Здесь, в Грузии, я понял, что Бог есть.

Но не только потому, что он здесь такой милостивый и даже разрешает в деревенских храмах курить.

А потому, что, смотрите, год назад меня выгнали из Союза советских писателей. Мне тридцать три года. Я бывший, выходит дело, писатель. И вдруг мне звонит мой младший брат. Он говорит, что он будет руководителем студенток искусствоведческого факультета в поездке по Грузии. Будем смотреть храмы. Вы когда-нибудь видели студенток третьего курса искусствоведческого факультета? О, я знаю, какие храмы мы будем смотреть!

Я приезжаю в Грузию, вижу наш автобус и понимаю, что Бог есть. Потому что Бог сказал: ты бросил вызов огромной стране, ты пришел из будущего. Ты устал, у тебя кружится голова от переживаний и болит тело.

Поезжай в Грузию. Посмотри на мои храмы. Выпей вино. Познакомься с московскими девушками-практикантками.
— Пошли купаться!
— Постойте! — сказал шофер нашего автобуса. — Не бросайте пустые бутылки. Сдавайте ему! — Он показал на меня.
— Почему ему? — удивились девушки, выпившие красного и белого вина Грузии.
— Потому что вчера возле храма я нашел пустой чемодан, — ответил я. — Я буду складывать сюда ваши пустые бутылки. Чтобы они не катались по всей Грузии. Пусть живут в чемодане.
Они стали сдавать пустые бутылки, а я стал их подписывать красным фломастером.
— Катя!
— Полина!
— Карина!
— Таисия!!! — На бутылке Таисии я поставил три восклицательных знака.
Я складывал пустые, выпитые, бутылки одна к одной.
Последней подошла наша грузинская экскурсоводша Кети. Тоже совсем молодая. Она из Тбилиси. Все говорили, что она грузинская княжна и — неприступная крепость.
— Я не сдаю свою бутылку, — сказала она.
— Хорошо, — сказал я. — Не сдавай. Но, когда захочешь сдать, не волнуйся. Я приму от тебя бутылку как божий дар.
Она рассмеялась и убежала. Княжна. Все они тут грузинские красавицы княжны.
Я закрыл чемодан пустых бутылок, один замок был варварски оторван, и пошел в воду. Девчонки прыгали там и мелькали телами. Мой брат кричал:
— Дуры! Не утоните!
На следующий день мы поехали по дороге в Кутаиси.
Мы уже долго путешествовали, осмотрели множество храмов, и у нас кончились все деньги. Порой за нами ехали легковые машины и маленькие автобусы — они громко гудели и требовали наших студенток. Казалось, вся Грузия машет нам руками. Но мы свои бутылки не сдавали. Деньги кончились, а есть хотелось. Был жаркий день.
Начинался женский голодный бунт. Я сказал шоферу припарковаться у кафешки среди холмов возле ручья. Автобус остановился, устало выпустив воздух. Несмотря на то что это был Советский Союз, кафешкой управляли два брата грузина как своей собственностью. Я пошел с ними договариваться.
Я сказал им:
— Братья. У нас нет денег. Но наши студентки ужасно голодные. Дайте им что-то совсем простое, какой-нибудь незамысловатый хачапури и простой воды из ручья.
Девки вылезали из автобуса одна за другой, два грузинских брата смотрели на них, как будто это было кино.
Они ушли на кухню, а мы сели у ручья и стали ждать хачапури. Сначала нам ничего не несли. А потом вдруг принесли несколько бутылок «Хванчкары» и стали разливать по бокалам.
Я вскочил:
— Зачем вино?
— Не волнуйся, — сказали братья. — Это ничего.
Ко мне подошел шофер автобуса:
— В крайнем случае сдадим им чемодан пустых бутылок. Тоже все-таки деньги.
Не успел я ему ответить, как на деревянные столы, похожие на большие пни, братья стали метать еду. Там было все: помимо хачапури тарелки, полные харчо, цыплята-табака, шашлыки, и лобио, и лепешки, и всякая зелень.
Девки радостно бросились всё это мести и запивать небережливо «Хванчкарой».
Они ели и пили, пили и ели, потом съели десерты, какие-то неземные торты, потребовали у братьев еще вина, кто-то из них полез купаться в ручей.

Здесь, в Грузии, я понял, что Бог есть. Но не только потому, что он здесь такой милостивый и даже разрешает в деревенских храмах курить.

Я в ужасе смотрел на происходящее. Чем платить? Обед стоил явно больше, чем сто чемоданов пустых бутылок.
— Что делать? — сказал я моему младшему брату. — Наверное, они хотят кого-то выловить из ручья. Ну не форель, конечно. Пойдем договариваться.
— Я не пойду, — сказал мой брат. — Я — официальное лицо университета. Иди ты!
Я пошел к братьям. Я шел и думал, кого бы им предложить. И Катя могла бы с удовольствием с ними покупаться в ручье. И Таисия. Ах, Таисия с тремя восклицательными знаками! Да, Таисия могла бы даже с обоими братьями справиться. Таисия! Точно! И даже еще на меня ее бы хватило.
Я подошел к братьям, смеясь.
— Знаете что, — сказал я. — У нас в автобусе есть чемодан пустых бутылок. Это весь наш денежный запас на сегодня. Расскажите, что вы от нас хотите.
Вдали в кустах засел Бог. Он раздавал округе девичьи визги, и с его подачи мелькали груди с нежными розовыми сосками. Слышался перестук винных бутылок. Таисия присела в сочной траве на корточки и, посылая мне бешеные воздушные поцелуи, вместе с подружками продолжала бухать.
Братья посмотрели на меня и сказали спокойно:
— Это — подарок!
Я ушел от них, пораженный до глубины души. Я же говорю, что у Грузии есть особенный Бог.
Наш пьяный автобус поплыл к морю.

Княжна Кети с черными волосами подошла ко мне:
— У меня тут в деревне живут родственники. Они зажарят поросенка. Приходите вдвоем с братом.
Мы пришли, когда солнце уже село в море и были только видны на небе его возбужденные красные лучи. Поросенок сидел под большим тазом посередине двора и шевелился.
Родственники княжны стали вести со мной всякие разговоры о пользе курения. Они сказали, что у них тут есть бабка девяноста пяти лет, которая потому и живет, что много курит. Я не поверил — так они привели мне бабку, которая курила сигареты «Космос» в синей упаковке. Она сказала, что сигареты хорошо действуют на голову и на сердце. Она держала сигарету в крепких пальцах и глубоко затягивалась.
Как сели за стол, тамада сказал, что сегодня будет соревнование. Кто кого перепьет! Все будут пить белое местное вино. Мы его сами делаем. Пьем вот так. Наливаем в стаканы вино. Я произношу тост и — до дна!
Ко мне: понятно?
Тост повторяется каждые три минуты.
Я встал и подошел к Кети.
— Это ты придумала? — спросил я.
— Да, — улыбнулась она.
— А если я выиграю?
— Я буду рада, — сказала княжна.
Женщины принесли еду, салаты, потом и поросенка с румяной кожицей. Сами они не сели за стол в этот раз. Соревнование было сугубо мужским.
— В туалет тоже нельзя ходить, — предупредил тамада. — Кто выйдет из-за стола, тот уже не возвращается.
За столом сидело человек пятнадцать. Такие краснощекие умельцы пить вино. Средних лет. Но были и молодые. Напротив меня сидел хозяин дома — сильный винный боец. А с угла — его сын. Крепкий парень.
— Они шутят, — утешил меня мой младший брат. — Игра развалится очень скоро.
Мы стали пить под тосты тамады. Вино лилось в граненые стаканы. Из стаканов — в глотки.
Тосты были скорее техническими, в основном про дружбу. Видно было, что соревнование постепенно засасывало людей. Они перестали переговариваться. Он запрокидывали граненые стаканы, ставили мягко на стол и краснели еще больше своими красными щеками.
Мы выпили по десять стаканов. Вино было молодое, задорное, сухое, но все-таки чуть-чуть сладковатое. На двенадцатом стакане пара людей ушла и не вернулась. Соревнование продолжалось. Кети смотрела издалека, сидя на стволе поваленного кедра. Мы пили дальше. Тосты становились все более и более расплывчатыми, но все равно про дружбу. Небо почернело. Двор был ярко озарен. Мы пили.
Мы выпили двадцать стаканов. Ряды поредели. Люди вставали и уходили молча. Без комментариев. Я чувствовал, что мое тело становится не тяжелым, а, наоборот, почти невесомым, но голова существует как бы отдельно.
Двадцать пять стаканов. Мое горло отзывается на некоторое количество сахара в вине. Оно становится луженым. Тосты я перестал слышать, хотя всеми силами кивал и поддакивал им.
Тридцать граненых стаканов.
Вдруг пропал тамада. Взял и пропал. Нас осталось шестеро. Хозяин, сын хозяина, мой младший брат, я и два незнакомых человека с лучистыми от вина глазами.
Хозяин сам взялся быть тамадой.
Тридцать три стакана. Лучистые люди ушли. Нас осталось четверо.
На тридцать пятом стакане сын хозяина запрокинулся и полетел со стула через спинку в траву. Никто не пошевелился.
На тридцать шестом тихонько ушел мой младший брат.
Мы остались с хозяином.
Он налил, чокнулся, выпил и сказал:
— Ну всё.
Это было предложение ничьей.
— Я пью за ничью, — сказал я.
Он не поднял следующий стакан. Он с нежностью смотрел на меня. Он был пьян и доволен своим гостем.
Я выпил тридцать седьмой стакан. Один.
Встал.
И на своих ногах пошел в свою комнату. Окно выходило на море.
У дверей я споткнулся о чемодан пустых бутылок.
«Зачем шофер мне его сюда принес?» — туманно подумал я.
— Это я попросила его принести, — сказала Кети. — Чтобы ты чувствовал себя победителем. Молодец, — продолжала она. — Ложись. Я буду тебя лечить.
Я смотрел на нее лучистыми от вина глазами.
— Тридцать семь! — сказал я.
— Я знаю, — кивнула она.
Дальше я ничего не помню.

Мы выпили двадцать стаканов. Ряды поредели. Люди вставали и уходили молча. Без комментариев. Я чувствовал, что мое тело становится не тяжелым, а, наоборот, почти невесомым, но голова существует как бы отдельно.

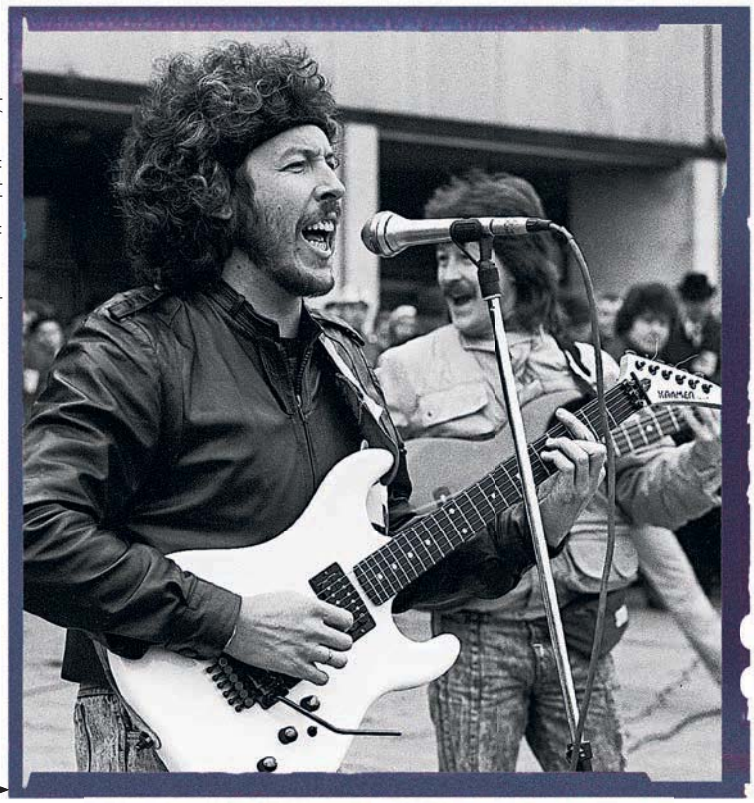

фото: владимир родионов / риа новости

Пикник на небе

текст: андрей макаревич* рисунок: ольга аверинова

Музыкант Андрей Макаревич* стал свидетелем и участником события, которое обязательно должно произойти в жизни человека. Но не обязательно происходит. Ибо такое событие человеку надо заслужить. Похоже, что Андрей Макаревич* заслужил.

ДАВНЯЯ-ДАВНЯЯ история. Вспоминаю ее часто — что-то в ней было больше, чем сама история. Тонкие материи не хотят укладываться в канву вербального повествования. Нам как будто приоткрыли тайную дверку — ненадолго. В общем, случилось это в конце восьмидесятых. Пришел Горбачев, и сделалось чудо, и невозможное стало возможным. Рухнули границы, еще вчера казавшиеся незыблемыми стенами. А теперь, находясь на обыкновенном советском круизном пароходе, ты мог оказаться, скажем, в Италии, Турции или Греции. Конечно, мы не дали себя долго уговаривать. Мы — это музыканты (самые разные), журналисты, прочие артисты, писатели, замордованные совком. Но в основном музыканты. В задачу входило развлекать отдыхающую публику. Система называлась «за будку и корыто» — брали музыкантов бесплатно, селили на всех правах, за это они должны были сыграть пару концертов для пассажиров — за две недели круиза. Нам это казалось подарком небес. Плывя и развлекая таким образом отдыхающих, мы оказались на острове Родос. Как правило, пароход причаливал к берегу нового места рано утром, все желающие сходили на берег, и целый день был твой — смотри только не опоздай к отплытию, оно вечером в восемь. Я не буду углубляться в описание острова Родос — сегодня многие на нем бывали: маленький очаровательный греческий островок, узенькие мощеные улицы, идущие вверх, вниз, влево и вправо, старинная крепость. Мы гуляли по улочкам, заходили в таверны, пили дивное местное вино и вообще были счастливы. День перевалил за половину, когда я увидел интересное сооружение: каменная лестница шла вдоль крепостной стены вверх и — ничем не кончалась. Она поднималась этажа на два-три и завершалась маленькой открытой площадкой, а никакой двери не было. Если присмотреться, становилось видно, что когда-то невысокая дверца в стене все же

* ПРИЗНАН В РФ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ.

Бывали у меня в жизни случаи, когда Всевышний вдруг посылал такие подарки, но эта Лестница в Небо запомнилась, похоже, навсегда.

имелась, но ее заложили много сотен лет назад, и сегодня она была почти не видна. Настоящая Лестница в Небо. Я не принимал никаких решений — мне их кто-то диктовал. Было совершенно ясно, что надо купить самого простого вина, хлеба, сыра, подняться примерно до середины лестницы и сесть на ступени. И знаете, чтобы объяснить это нашей компании, а было нас человек восемь, не понадобилось ни времени, ни лишних слов. А вино, хлеб и сыр продавались в лавочке прямо напротив. Ощущение было необыкновенным — люди проплывали внизу и не замечали нас, мы же видели всех и всё, и медленно клонилось к закату солнце, и еле слышно пело свою песню невидимое, но близкое море, и вся картина выглядела настолько мирной и светлой, настолько божественно совершенной, что мы даже не разговаривали, чтобы не нарушить гармонии. Мы чувствовали себя ангелами, которые затеяли спасти мир и у них все получилось. Это невероятное чувство. А потом к нам стали подсаживаться прохожие. Сперва осторожно, вежливо, на расстоянии, но места для соблюдения расстояния оставалось меньше и меньше. Сначала мы делились вином и хлебом, потом заметили, что мы в этом смысле не одни. Я не знаю, сколько прошло времени. Нехотя темнело, внизу зажглись огоньки, потянуло прохладным ветром, я понял, что чудо скоро кончится и можно уходить. Я поднялся на ноги и увидел улицу, уходящую вдаль. По улице шли люди — мужчины, женщины, дети. Они несли с собой жареных баранов, корзины с фруктами, бутыли и мехи с вином. Многие пели. Они шли к нам на лестницу, и не было им числа. Я очень хотел сохранить это видение, боялся, что оно рассыпется, поэтому мы тихо, бочком, соскользнули с волшебной лестницы — никто и не заметил — и молча вернулись на корабль. Мы не разговаривали — не о чем было. Да и незачем. Бывали у меня в жизни случаи, когда Всевышний вдруг посылал такие подарки, но эта Лестница в Небо запомнилась, похоже, навсегда. Однажды даже, находясь на Родосе, совершил попытку это место найти. Не смог. Наверно, не надо. Помню, мы очень хорошо после этого случая жили. Какое-то время. *рп*

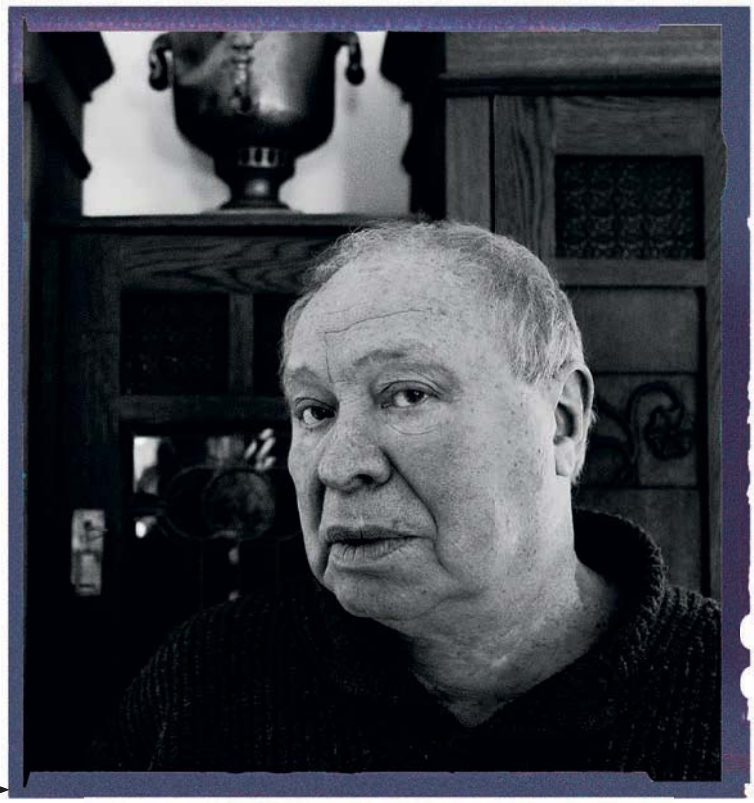

фото: саша хазова

На обочине, у деревни Матвейково

текст: иосиф райхельгауз

В жизни режиссера Иосифа Райхельгауза случались разные обочины. И о нескольких из них он сейчас решил рассказать. И это обочины, которым позавидуешь. Ибо вспоминания о них оказываются чуть ли не лучшим, что было в жизни. А не на ее обочине.

«…по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батареи, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека…»

Н. В. Гоголь. Мертвые души

ХОРОШО помню, хотя был тогда совсем молодым, как появился и стал центром интеллектуальной и общественной жизни «Пикник на обочине» братьев Стругацких...

Как трактовала содержание и цитировала на память особо значимые фразы художественная и особенно техническая интеллигенция тех времен. Времен начала восьмидесятых того прошлого и давно прожитого столетия... И почти сразу появился «Сталкер» Андрея Тарковского, поднявший волну восторгов и споров вокруг «Пикника» на новую, неожиданную высоту. Признаюсь, читал! Смотрел! Осознавал. С трудом... Мне было скучно. Казалось, что все эти «зоны», внеземные цивилизации, пришельцы, оставившие следы в виде неопознанных предметов, золотой шар, исполняющий желание и отнимающий жизнь того, кого ты с собой привел, — все эти бесконечные аллюзии, намеки и ассоциации не соотносились с моей тогдашней реальностью. И сегодня, когда жизнь почти прошла, когда роман Стругацких занял свое достойное место в мировой литературе, когда пришло задание от нашего «Пионера» откликнуться на тему и философию этого уже классического произведения, снова взялся его перечитывать. И (о ужас!) ощутил то же, что и тогда: нечто не имеющее к моей сегодняшней жизни, к моим сегодняшним страданиям и надеждам буквального прямого отношения!

Фантастика какая-то, да и только!

И поэтому, как уже случалось с темой, предложенной журналом, вычленю из нее глобальной свою узкую, конкретную, понятную, а главное, имеющую отношение ко мне. И звучит она совсем просто — «На обочине».

Детский сад, куда перед работой заводила меня мама, был совсем недалеко от нашего дома, хотя тогда, в детстве, этот путь казался

фото: саша хазова

долгим и насыщенным. Встречные люди, картинки одесских веранд и балконов со множеством интереснейших вещей и предметов на них. Но особенно я любил запахи того ни с чем не сравнимого воздуха, о котором Леонид Утесов пел: «Есть воздух, который я в детстве вдохнул, и вдоволь не мог надышаться». Это были запахи еды из открытых окон, нежнейший и доводящий до слез аромат свежего утреннего хлеба из приоткрытых дверей пекарни... Но главный запах, которым я упивался и наслаждался, — запах выхлопного газа из глушителей редких тогда грузовиков, легковушек и мотоциклов. Мама крепко держала за руку, поскольку я рвался на дорогу, чтобы понюхать, потрогать, прикоснуться. А как хотелось оказаться внутри и хоть чуть-чуть проехать. Уверен, именно тогда, провожая завистливым взглядом легковые и грузовые, я дал себе слово: когда вырасту и у меня, конечно, будет замечательный автомобиль, поеду медленно, чтобы подобрать и подвезти всех, кому нужно куда-то ехать. И гордо заявляю: за жизнь владел разными авто, от «Жигулей» практически всех модификаций до «Мицубиси», «Сузуки», всяких джипов, БМВ. Так вот, еще раз похвалюсь: за эту длинную жизнь не прошло и не выцвело желание останавливаться, подбирать, подвозить, помогать.

Конечно, сегодня, когда обочина Садового кольца или Нового Арбата шире проезжей части и такси вызывают по телефону, а не поднятой и машущей рукой, притормозивший и кричащий в форточку «Вам куда?!» подозрительный дядька чаще всего вызывает испуг и отказ.

Но есть другие дороги, а бывали и другие времена. Почти каждое лето в начале июля, когда в театре объявляли отпуск, я, забив свои «Жигули» деликатесами, добытыми в московских магазинах, отправлялся к родителям по маршруту Москва—Киев—Одесса. Обычно к вечеру первого дня пути приезжал сильно уставший (все-таки восемьсот километров) в Киев, ночевал у кого-то из друзей, чтобы утром преодолеть оставшуюся треть пути и уже в середине дня оказаться дома, в Одессе. Так вот однажды жарким июльским днем, не доехав километров сто до Киева, увидел на обочине худенькую невысокую старушку, тащившую на себе груз, сравнимый с тем, что я вез в своих «Жигулях». Притормозил, предложил подвезти. «Та мне тут рядом, сынок, осталось пару километров», — отказалась старушка, оказавшаяся женщиной лет сорока. Мои аргументы победили. Мы запихнули в машину и привязали к багажнику ее сумки, пакеты, корзинки, словом, все, что она на себе «везла». Сама «бабушка» села рядом. Мы съехали с трассы и по изрытой ямами, покрытой пылью и соломой дороге километров через пять въехали в маленькую, уютную и, кажется, не меняющуюся десятилетиями деревню.

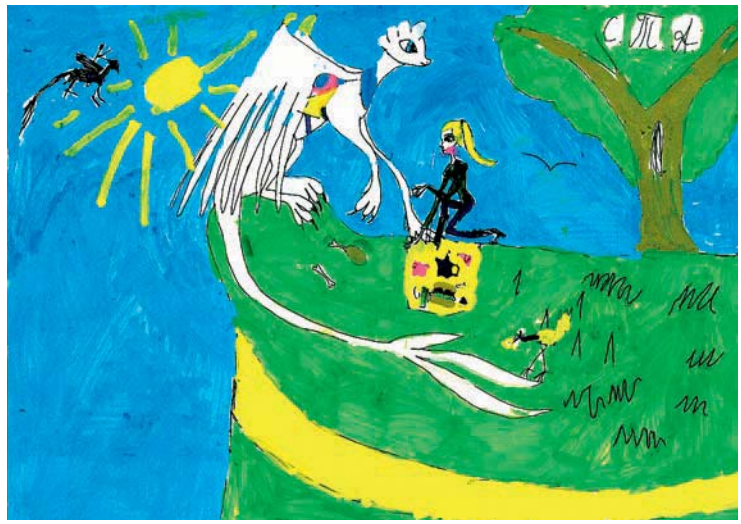
А дальше «бабушку» встретил «дедушка» ее же возраста, соседи пришли познакомиться с гостем из Москвы, и оказалось, ни до какого Киева я сегодня не доеду, дай Бог протрезветь и доехать завтра, и на столе появилась только что накопанная картошечка с чесночком, укропом и тонко нарезанным салом. Помидорки с огурчиками малосольными хрустящими. И самогон мы выпивали, и столько я узнал и услышал о жизни, о детях, внуках, родителях, козе, корове, петухе и утках, сколько не слышал, пожалуй, за долгое время жизни в Москве. И конечно же, поделился частью московских подарков, предназначенных родителям. И на следующий день уезжал в Одессу на машине, просевшей от мешков и корзин с картошкой, луком, морковкой, свеклой, бутылок самогона, и эта случайная встреча на обочине оказалась на долгие годы удивительно крепкой связью между нашими семьями. Мой папа заезжал в эту деревню, не помню уже как она называлась, помню только, что рядом на трассе был районный центр Козелец. И сейчас он там есть. И потом уже к лету мы с женой собирали платьица и костюмчики, из которых выросли наши дочери, покупали появившиеся в Москве комплекты китайского белья, и разные другие гостинцы собирали. И следующие годы я или те, кто от меня ехал из Москвы в Одессу и обратно, не останавливались в киевской гостинице или у друзей, а ночевали в маленьком уютном селе недалеко от районного центра Козелец.

Когда в девяностых чуть приоткрылся «железный занавес» и начали выпускать… Главное, что меня поразило, — не обилие еды, не площади и замки Средневековья, даже не эйфелевы башни и статуи свободы. Мир по ту сторону открылся не через магистрали и проспекты, а со стороны обочины. Сейчас расскажу подробнее. Зачем мы, советские люди, останавливались на краю дороги, у леса, когда ехали в машине или на автобусе из Москвы во Владимир или Рязань? Чтобы зайти за кустик и… Правильно! Помните, «мужчины — налево, женщины — направо»? Бывало еще, останавливались, чтобы разложить у того же кустика или, если повезет, на берегу речки кусок брезента, картонный ящик, какое-нибудь старое покрывало и перекусить предусмотрительно приготовленными дома бутербродами, вареными яйцами и чаем из термоса. Это сегодня у нас, как у них, заправки, где и туалет, и кафе, даже душ горячий встречается. Это сегодня мы догоняем цивилизацию по количеству и качеству стоянок со скамейками,

столиками, мусорными баками, хотя совсем не догоняем по желанию убрать за собой, чтобы те, кто остановится здесь после нас, не проводили свой пикник на обочине среди мусора и следов предыдущих пришельцев.
Это сегодня… А тогда…

Восхитила швейцарская обочина. Виноградники, где каждый куст выглядел, как цветок на подоконнике заботливой хозяйки. Или геометрически выверенные ряды подсолнечника. Не говорю уже о почти нарисованных плодовых садах.

Обочина в Америке. Особенно там, в Калифорнии. Лос-Анджелес. Сан-Франциско… Самое непривычное и удивительное — отсутствие заборов. Можно остановиться у любого дома, посидеть на скамейке, попить из их крана.

Когда в девяносто первом году у моего театра случились первые гастроли в Израиль, нас поселили в скромной трехзвездной гостинице пригорода Тель-Авива. И каждый день возили на автобусе в другой город играть спектакли. Возили по дорогам вдоль апельсиновых, мандариновых, гранатовых и еще каких-то садов. Кто помнит, это было еще совсем голодное время, и апельсины не покупали, а «доставали». И вот артисты, замечательные артисты — Люба Полищук, Ирочка Алферова, Альберт Филозов, Анатолий Ромашин, Саша Филиппенко, Алексей Васильевич Петренко и другие не менее талантливые и замечательные — просили остановить автобус, чтобы сойти на обочину… Не для того, о чем вы опять подумали, а чтобы собрать под деревьями и сложить в заранее припасенные пакеты ароматные цитрусовые. Естественно, через два-три дня апельсины не то что есть — видеть никто не мог, и они гнили под кроватями в гостинице.
Обочины маленьких итальянских городков или даже деревенек чаще всего представляли собой, особенно в выходные дни, крохотные блошиные рынки, где на старых газетах, а иногда и прямо на земле можно было найти и буквально за копейки, простите, за центы, купить старый подсвечник, коробочку, фонарь, невозможной красоты кухонную утварь, даже старинную люстру и много-много других драгоценных находок, которыми за долгие годы рабочих поездок, гастролей, путешествий я заполнил свой подмосковный дом…
А вот на ровном выжженном поле с двух сторон дороги, да-да, на обочине, бахча с огромными арбузами и дынями где-нибудь в Узбекистане или Таджикистане… И можно даже не спрашивать сидящего здесь же у костерка сторожа, он сам позовет, разрежет и угостит… Конный рынок… Коней там давно не продают, а продают кошечек, собачек, птичек, рыбок. Ведра, кастрюли, чайники, книги и бутылки...
Невозможно перечислить всё. Вещи и предметы, заполнившие собой тротуары, подоконники ближайших домов, какие-то старые детские коляски, картонные коробки и обочины многих дорог и кварталов, расходящихся в разные стороны Старопортофранковской улицы в Одессе.
А поля кукурузы на обочинах проселочных дорог? Какая разница где? В Молдавии… Я пассажир в папином грузовике, и в любом месте можно остановиться и быстро исчезнуть в зарослях кукурузы, чтобы папа испугался, начал искать и звать… В Болгарии вокруг замечательного городка Поморие… Да и у нас где-нибудь в Липецкой или Воронежской области наломать эти восковые, именно восковые, нежнейшие кукурузные початки, чтобы потом вечером с солью и сливочным маслом… обжигая пальцы и губы…

Обочины где-нибудь в Магадане или Хабаровске, когда трактор расчищает только проезжую часть, превращая их в непроходимые снежные холмы…

Если объявить конкурс на лучшую в мире обочину, я бы выбрал нашу, подмосковную… В первой декаде октября, когда уже прохладно, но еще какое-то бабье лето и дожди и солнце попеременно, дорога покрыта асфальтом, но проселочная… И дождик недавно прошел, небо чистое, и видно, как солнце заходит… И на обочине этой самой дороги, на каких-то столиках, ящиках, багажниках хорошо сохранившихся «Жигулей» — закрутки с овощами с собственных огородов, самые разные яблочные и сливовые джемы, картошка, лук, морковь… И еще цветы, по которым сразу видно — выросли здесь, у нас, не в какой-нибудь Голландии. Но главное — грибы: белые высушенные и только что собранные, лисички, подберезовики, подосиновики... Продают недорого. Хотя и поторговаться можно. Чаще всего продавцы — женщины, те самые, которые эти грибы собирали, эту картошку и овощи вырастили, эти банки и бутыля закрутили. Устоять, не купить — невозможно.
— А можно эту кучку…
— Почему нельзя? Бери!
— А вот…
— Смешать, обжарить — и с картошечкой, луком, сметаной…
— Спасибо, хватит.
— Так что тут кушать?!.. Вот еще баночка… Это только у меня растет. Попробуй, вернешься и еще попросишь!
Багажник забит, и на сиденьях места не осталось. И всю дорогу вдыхаю ароматы подмосковного леса, грибов, яблок, осенних цветов. И всего, чем наполнена моя машина, чем все еще наполняется моя долгая счастливая жизнь. Дышу этим воздухом надежды, и кажется вдруг, что сейчас среди деревьев на обочине увижу любимых родите-

иллюстрация: соня трегубова